

Российская академия наук
Институт восточных рукописей

Розенберговский сборник
Востоковедные исследования и материалы

Санкт-Петербург
2014

Печатается по решению Учёного совета ИВР РАН

Рецензенты:

доктор филологических наук И.В. Кульганек
доктор культурологии, проф. О. И. Даниленко

ББК 86.39
Р64

Р64 Розенберговский сборник: востоковедные исследования и материалы / Ред.-сост. Т.В. Ермакова; Институт восточных рукописей РАН. — СПб.: Издательство А. Голода, 2014. — 524 с. ISBN 978-5-94974-066-8

Сборник состоит из четырёх разделов: «Буддологические исследования», «Традиционные идеологии Востока», «Дискурс о Востоке и востоковедах: персоналии, подходы, проблематика», «История востоковедения». Статьи, размещённые в первых трёх разделах, отражают промежуточные итоги и результаты исследований письменных памятников. В последнем разделе представлены комментированные публикации материалов из Архива востоковедов ИВР РАН и статьи об истории коллекций Азиатского музея — Института восточных рукописей РАН.

ISBN 978-5-94974-066-8

© Институт восточных рукописей РАН, 2014
© Авторы публикаций, 2014

Содержание

Введение. Письменные памятники и дискурс о Востоке в зеркале современных российских исследований	10
--	----

Буддологические исследования

Е.П.Островская. С.Ф. Ольденбург — организатор и методолог отечественной буддологической школы	22
Письма Высокоумудрого Рэннэ (первая тетрадь, письма первое — седьмое). Перевод с японского языка, комментарий, предисловие В. Ю. Климова	39
Письма Высокоумудрого Рэннэ (первая тетрадь, письма восьмое— пятнадцатое). Перевод с японского языка, комментарий В.Ю. Климова	76
А. В. Зорин. Антишиваитские мотивы в апологетических буддийских гимнах	104
П.Д. Ленков. О буддийском влиянии на даосскую мысль в позднесредневековом Китае: концепция «двух видов препятствий» в тексте «Лун мэнь синь фа»	118
П. Д. Ленков. Традиционные буддийские и даосские психофизические практики в Китае: перспективы антропологического подхода	131
С. Ю. Рыженков. Письменные памятники из Дуньхуана: буддийский канон	138
Е.А. Кий. Основные источники для изучения редкой иконографической формы Манджушри	144
И.С. Гуревич. Роль письменных буддийских источников для исследований в области исторической грамматики	155
Е. Ю. Харькова. Монастыри как часть буддийского сакрального ландшафта	168
Е.Ю.Харькова. Сакральный ландшафт в буддийской агиографии и «повествованиях о святых местах»	174

Традиционные идеологии Востока

- С.Л.Бурмистров.** Структура аргументации в первой части
Upadeśa-sāhasrī Шанкары 182
- С.Л. Бурмистров.** Религиозное сознание и понятие границы
в философии Рамануджи и Мадхвы 194
- Е.В.Столярова.** Титулы эпического Вишну
(анализ имён и практики их рецитации) 211
- Трактат «Шаттримшаттаттва-сандоха» Амритананды
с «Вивараной» Раджанакананды. Перевод с санскрита,
исследование, комментарии **В.П. Иванова** 219
- С.Х. Шомахмадов.** Эпитет аджита («Непобедимый»)
в индийской религиозной традиции 240
- М.Ю. Ульянов.** Структура «комментирующего комплекса»
Чуньцю Цзочжуань («Комментарий Цзо к Чуньцю»):
соотношение «исторического» и «каноноведческого» 248
- Г.С. Попова.** Шуцзин («Канон [исторических] документов»)
в I тыс. до н.э.: запись, передача и канонизации 271
- М.С. Целуйко.** «Пояснительные сочинения» как жанр памятников
общественной мысли периода Чжаньго (453–221 гг. до н.э.):
о сопоставлении формы текстов эпиграфического
сочинения Хэ Лу и фрагмента традиционного памятника
антологического характера Го юй («Речи царств») 287
- А.С. Рысаков.** Ритуал совершеннолетия согласно
каноническому тексту И ли «Церемонии и ритуалы» 297
- Е.А. Островская, А.Ф. Горбачева.** Ислам как традиционная
религиозная идеология 313

Дискурс о Востоке и востоковедах: персоналии, подходы, проблематика

- Д.В. Возчиков.** Религии Индии и Юго-Восточной Азии
в отчёте венецианского путешественника Никколо Конти 336
- Д.В. Возчиков.** Философы или жрецы? Брахманы в описании
венецианского путешественника Никколо Конти 347

Л.Б. Четырова. Имение князей Тюменей в межкультурном ландшафте (по материалам письменных источников)	353
С.Д. Серебряный. О.О. Розенберг и судьбы российских японистов его поколения	365
А.С. Колесников, Ю.Н. Стрижак. Проблемы власти и политики в воззрениях кн. Э.Э. Ухтомского	377
П.И. Рысакова. Глобальное и локальное в восточно-азиатской социологии образования	395
Е.А. Островская. Россия и Китай в Центральной Азии: в поисках консенсуса	410

История востоковедения

С.Л. Бурмистров. Востоковедное наследие Генри Томаса Колбрука ...	416
В.П. и А.П. Шнейдер. Воспоминания о Минаеве Иване Павловиче. Предисловие, примечания, подготовка к публикации Т.В. Ермаковой	431
А.В. Зорин. М.И. Тубянский и Тибетский фонд Азиатского музея — Института востоковедения АН СССР	450
Архивные материалы к биографии и деятельности М.И. Тубянского. Предисловие, примечания, подготовка к публикации М.Н. Кожевниковой	457
М.И. Воробьева-Десятовская. Языки и типы письма как аспект изучения буддийской коллекции индийского фонда ИВР РАН	491
Е.П. Островская. Буддийское рукописное историко-документальное наследие северной и северо-западной Индии в составе индийского фонда ИВР РАН	509
Об авторах	522

Е.П. Островская

С.Ф. Ольденбург — организатор и методолог отечественной буддологической школы

В классическом востоковедении имя акад. С.Ф. Ольденбурга (1863–1934) неразрывно связано с формированием системно-исторического подхода к буддизму. Во второй половине 1890-х гг. С.Ф. Ольденбург выступил инициатором нового для науки того времени направления исследований — изучения процесса продвижения буддизма из Индии в Центральную Азию и на Дальний Восток на материале письменных памятников и культурного наследия. Статья посвящена вкладу учёного в становление отечественной буддологической школы, получившей международное научное признание в первой трети XX в.

Ключевые слова: С.Ф. Ольденбург, Санкт-Петербургская буддологическая школа, буддизм, Институт буддийской культуры АН СССР.

В настоящей статье рассматривается роль С.Ф. Ольденбурга (1863–1934) в обновлении объекта, предмета и методологического подхода в области буддологии, сформировавшейся на протяжении XIX в., и его организаторский вклад в развитие изучения процесса распространения буддизма из Индии в Центральную Азию и на Дальний Восток. Это тематически многогранное направление стало приоритетным в трудах учёных отечественной буддологической школы первой трети XX в. — акад. Ф.И. Щербатского (1866–1942) и его учеников, работавших в непосредственном контакте с С.Ф. Ольденбургом. Научная деятельность основоположников и членов этой школы — Б.Б. Барадийна (1878–1937), А.И. Вострикова (1904–1937), Е.Е. Обермиллера (1901–1935), О.О. Розенберга (1888–1919), Б.В. Семичова (1900–1981), М.И. Тубянского (1893–1937) заложила прочный фундамент российской буддологии.

Идейное становление С.Ф. Ольденбурга началось на заре эпохи модернизма в истории русской и западноевропейской культуры. Решение стать востоковедом, как на склоне лет вспоминал учёный в своём эссе «Мысли о научном творчестве» (1933), созрело у него под влиянием книг о Востоке, отмеченных характерным для той эпохи ориентализмом. Из прочитанного в гимназические годы он заключил, что «Восток» в понимании европейцев есть нечто кардинально отличное от их собственного культурного мира — «Запада», и проникся стремлением самому проверить, так ли это в действительности (Ольденбург, 2012, с. 469). Индостан заинтересовал юного Ольденбурга как один из древних очагов культурной истории человечества. Юноша мечтал об экспедициях и находках

не известных науке рукописей. Движимый романтическими мечтами, он в 1881 г. поступил на факультет восточных языков Санкт-Петербургского университета по санскритско-персидскому разряду.

В период студенчества незаурядно одарённый и трудолюбивый С.Ф. Ольденбург получил фундаментальное филологическое образование, обучаясь у выдающихся представителей российского классического востоковедения. На занятиях с проф. К.А. Коссовичем (1814—1883), глубоким знатоком мёртвых языков и древних письменностей Востока, он овладел ведийским санскритом и авестийским языком. Под руководством проф. И.П. Минаева (1840—1890) он изучал классический санскрит и пракриты — среднеиндийские языки, в том числе язык пали, считавшийся тогда наиболее важным в подготовке индианиста-буддолога. Акад. К.Г. Залеман (1849—1916), учёный с мировым именем, директор Азиатского музея Академии наук, преподавал С.Ф. Ольденбургу древнеперсидский и среднеперсидский языки по индивидуальной расширенной программе. А проф. В.Р. Розен (1849—1908) не только ввёл будущего учёного в область арабской филологии, но и приобщил его к своим новаторским замыслам относительно перспектив развития российской науки о Востоке.

Именно В.Р. Розен оказал преимущественное идейное влияние на самоопределение С.Ф. Ольденбурга в области изучения буддизма и его дальнейшую научно-организационную деятельность. В.Р. Розен в начале 1880-х гг. разрабатывал долгосрочную программу развития отечественного востоковедения с учётом уникального геостратегического и культурно-исторического статуса Российской империи. Россия мыслилась В.Р. Розеном как европейская держава, обладающая обширными азиатскими территориями и давним историческим опытом позитивного сотрудничества с культурными мирами зарубежного Востока. Соответственно основная задача российских востоковедов, согласно В.Р. Розену, должна была состоять в изучении истории и культуры азиатских народов России, исповедующих ислам и буддизм, и тех историко-культурных регионов за её пределами, в которых эти религии зародились и обрели своё институциональное оформление.

Эти новаторские для того времени идеи увлекли не только С.Ф. Ольденбурга, но и таких неординарно мыслящих и высокоталантливых студентов факультета восточных языков, как В.В. Бартольд (1869—1930) и Н.Я. Марр (1864—1934). Каждому из молодых единомышленников В.Р. Розена было суждено основать новые направления и целые области востоковедных исследований и стать связующим звеном в российском востоковедении досоветского и советского периодов, простирая своё идейное влияние в общественную жизнь за пределами академической науки (подробнее см.: Тольц, 2013, с. 25—35).

Для науки, полагал В.Р. Розен, наибольший интерес представляют исторические узлы культурного, политического и экономического взаимодействия между разноязычными этносами — носителями различных религиозных воззрений (см.: Марр, 1909, с. 13). Культурное пространство Российской империи, подчёркивал

учёный, сформировалось именно в ходе такого многомерного взаимодействия «Востока» и «Запада». А поэтому, указывал он, научная позиция отечественных учёных-востоковедов должна базироваться на теоретически обоснованном отказе от метафизического противопоставления этих категорий.

Разработанная В.Р. Розеном научная программа была чрезвычайно близка умонастроениям С.Ф. Ольденбурга. В дальнейшем идеи В.Р. Розена послужили стимулом к развёртыванию той системной критики европоцентризма, которая прослеживается в статьях акад. Ольденбурга, опубликованных в 1931 г., — «Советское востоковедение» и «Востоковедение в Академии наук на новых путях». Хотя обе они написаны в несколько политизированном ключе, характерном для советской научной публицистики тех лет, в них отчётливо представлены именно те доминанты анализа категорий «Восток» и «Запад», которые были намечены В.Р. Розеном и определяли собой теоретический подход С.Ф. Ольденбурга к проблемам изучения культурного наследия и исторических религий азиатских народов.

Приверженность научной программе В.Р. Розена послужила для С.Ф. Ольденбурга мощным импульсом к осмыслению буддизма в качестве исторического явления, зародившегося и достигшего зрелости в культуре Индии в период древности и раннего средневековья. Молодой учёный сфокусировал своё исследовательское внимание на той ветви буддийской традиции, которая распространилась в процессе своего исторического продвижения за пределы Индостана на территории, населённые бурятами и калмыками. В буддологической номенклатуре XIX в. эта ветвь, представленная санскритскими письменными памятниками Индии и огромной по объёму буддийской литературой Центральной Азии и Китая, именовалась «северным буддизмом».

Следует подчеркнуть, что во второй половине 1880-х гг. буддология как предметно специализированная отрасль классического востоковедения только начинала отпочковываться от индианистики. Санскритское письменное наследие северного буддизма ещё не вызывало серьёзного научного интереса. Лидирующие позиции в то время занимала англо-германская буддологическая школа, представленная трудами её классиков — Т.У. Рис-Девидса, Г. Ольденберга, Р. Чилдерса, Г. Уарена. Источниковую основу этих трудов составляли тексты Типитаки — канона южной традиции, письменно зафиксированного на языке пали. Южный буддизм в отличие от северного, исторически представленного школами трёх направлений — Шравакаяной (Северной Хинаяной), Махаяной и Тантрой (Ваджраяной), был традицией лишь одной хинаянской школы — *тхеравады*, распространившейся из Индии на Цейлон и в Юго-Восточную Азию. Однако именно эта традиция, нерепрезентативная для всего идеологического спектра буддизма как мировой религии, рассматривалась классиками англо-германской школы в качестве приоритетного объекта изучения, так как Типитака (Палийский канон), сохранившаяся в полном составе, расценивалась ими как наиболее древнее и единственно аутентичное изложение учения Будды.

Англо-германская буддологическая школа занималась в 1880-х гг. преимущественно текстами только двух разделов Палийского канона — Суттой и Винаей, содержащими проповеди и наставления Будды. Третий раздел канона, Абхидхамма, оставался практически не затронутым исследованиями, поскольку входящие в него семь философских трактатов приписывались авторству учеников и последователей основателя вероучения. В основу такой избирательности, как указывает В.Г. Лысенко, были положены методологические принципы протестантской либеральной теологии (Лысенко, 2007, с. 108), согласно которым религия Христа представлена в первоначальной евангельской проповеди, а патристические произведения и религиозно-философская схоластика могут вызывать интерес только в аспекте истории церкви. Экстраполяция такого подхода в область буддологии была направлена на реконструкцию «первоначального буддизма», относительно которого буддизм исторический во всём многообразии своих письменных памятников и живых национальных социокультурных форм интерпретировался как деградация «религии Будды». В подобной трактовке отчётливо проглядывал европоцентризм, пренебрегавший живыми традициями «туземных» народов и ориентированный на признание ценности лишь древних пластов культуры Востока.

Научный руководитель С.Ф. Ольденбурга И.П. Минаев также занимался исследованием палийских канонических текстов. Однако он не разделял подхода англо-германской школы, полагая, что буддизм изначально формировался как историческое явление. Первым среди востоковедов-индианистов он заявил о необходимости изучения истории этой религии путём исследования процесса формирования буддийских школ и направлений.

Аналогичной позиции придерживался и крупнейший британский индианист Ф. Макс Мюллер (1823–1900), который в содружестве со своим японским учеником источниковедом-буддологом Б. Нандзё приступил в начале 1880-х гг. к изучению и изданию санскритских произведений махаянского направления. Ф. Макса Мюллера и Б. Нандзё остро интересовала и Трипитака — буддийские канонические тексты северной традиции, кодифицированные школами Шравакаяны. Но об историческом существовании канонических произведений на санскрите было известно лишь по их переводам на китайский и тибетский языки, так как оригиналы Трипитаки не сохранились.

В 1883 г. Б. Нандзё издал Каталог рукописей китайских переводов Трипитаки из британской коллекции Indian Office Library — Библиотеки Департамента Индии (подробнее см.: Ермакова, 2012, с. 32–33). Это издание привлекло особое внимание С.Ф. Ольденбурга в постдипломный период, когда он был оставлен на кафедре санскритской словесности для подготовки к профессорскому званию и написания магистерской диссертации. Именно в те годы его интерес к северному буддизму начал приобретать вполне отчётливую научно-практическую направленность.

Сходную заинтересованность обнаружил С.Ф. Ольденбург и у своего младшего товарища — студента историко-филологического факультета Ф.И. Щербат-

ского, которому он преподавал в 1886/87 учебном году санскрит, заменяя отбывшего в научную командировку И.П. Минаева. Оба они высоко ценили возможность пользоваться консультациями акад. В.П. Васильева (1818—1900), выдающегося знатока китайских и тибетских текстов северного буддизма. В.П. Васильев ещё во время своего продолжительного прикомандирования к Пекинской православной миссии составил обширные описания буддийских текстов, канонизированных в Китае и Тибете, — переводов с санскрита и местных комментаторских произведений. Хотя эти труды оставались неопубликованными, они послужили для С.Ф. Ольденбурга и Ф.И. Щербатского драгоценным путеводителем в ещё не изученном ими громадном пласте источников.

К сожалению, В.П. Васильев, будучи автодидактом и учёным-одиночкой по складу личности, не создал научной школы. Большая часть его научного наследия не была издана и не получила своевременной известности в науке. С.Ф. Ольденбург справедливо расценивал это как огромное упущение для развития российской и мировой буддологии. Он посвятил научной деятельности В.П. Васильева две чрезвычайно значительные в историко-научном отношении статьи — «Василий Павлович Васильев как исследователь буддизма» (1900) и «Памяти Василия Павловича Васильева и о его трудах по буддизму» (1918). Важно отметить, что в обширнейших примечаниях ко второй из них учёный подробно охарактеризовал состояние буддологических знаний и основные научные школы того периода — англо-германскую, франко-бельгийскую и непосредственно связанную с наследием В.П. Васильева молодую отечественную, Санкт-Петербургскую (Ольденбург, 2012, с. 318—322), указав на труды Ф.И. Щербатского и его талантливейшего ученика О.О. Розенберга (там же, с. 316—322).

Ознакомление С.Ф. Ольденбурга с организацией западноевропейских буддологических исследований в 1887 г., в период его первой зарубежной научной командировки, заставило молодого исследователя задуматься о необходимости создания отечественной научно-издательской серии, посвященной письменным памятникам северного буддизма. Он заинтересовался теми методами коллективной работы, которые практиковались классиками англо-германской школы в подготовке научных изданий палийских рукописей. Т. Рис-Девидс с этой целью учредил Общество палийских текстов (Pali Text Society) и одноимённую серию. Хотя характерное для ранних изданий «Pali Text Society» безосновательное отождествление Палийского канона с общебуддийским «священным писанием» отвергалось С.Ф. Ольденбургом, планомерно поставленное введение буддийских письменных источников в научный оборот вызвало у него восхищение и стремление перенести этот новаторский опыт в российскую буддологию.

В данной связи важно подчеркнуть, что в востоковедной науке того времени источниковедение ещё не оформилось в качестве исторической субдисциплины. В области буддологии выбор того либо иного произведения для публикации зависел от индивидуальной инициативы и личных интересов исследователя. Плод

подобных усилий далеко не всегда оказывался репрезентативным и значимым в аспекте обогащения знаний о буддизме. Учреждение научно-издательских серий, начатое в западноевропейской ориенталистике, было направлено на упорядочение публикуемых текстов и являлось существенным шагом в становлении источниковедческих представлений о письменном наследии Востока. С.Ф. Ольденбург благодаря своим контактам с акад. В.П. Васильевым ясно осознавал, какой поистине огромный массив жанрово многоликих, разноязыких и разнописменных произведений создан в русле северного буддизма. Он надеялся в ближайшем будущем объединить международные научные силы для теоретически обоснованного и планомерного издания именно тех источников, которые позволяли бы достоверно судить об истории буддизма в Индии, Центральной Азии и на Дальнем Востоке.

В 1890-х гг. интерес С.Ф. Ольденбурга к северному буддизму сконцентрировался на вопросах публикации новонайденных в Восточном Туркестане буддийских памятников индийской письменности, которые поступали в Азиатский музей от генерала Н.Ф. Петровского (1837—1908), русского консула в Кашгаре. В 1894—1897 гг. учёный опубликовал две работы по данному направлению: «Отрывки кашгарских санскритских рукописей из собрания Н.Ф. Петровского» (1899) и «Предварительная заметка о буддийской рукописи, написанной письменами кхароштки» (1897). В числе обнаруженных им находок была рукопись на бересте, содержащая фрагмент «Дхармапады», одного из самых ранних буддийских памятников, свидетельствующий о древности северной ветви буддизма Индии.

Тем не менее мысль об учреждении буддологической научно-издательской серии на базе Российской Академии наук не отошла на второй план интересов С.Ф. Ольденбурга, продолжавшего тесно контактировать с В.Р. Розеном. В 1893 г. он приобщил к этим контактам Ф.И. Щербатского, научные планы которого были связаны с изучением санскритских письменных памятников буддизма.

В 1897 г. при поддержке В.Р. Розена, избранного к тому времени ординарным (т.е. действительным) академиком, С.Ф. Ольденбургу удалось осуществить свой замысел: академическое руководство дало добро на учреждение международной серии «*Bibliotheca Buddhica*. Собрание оригинальных и переводных буддийских текстов». Её проект, разработанный С.Ф. Ольденбургом, предусматривал издание произведений на санскрите, китайском и монгольском языках, а также публикацию исследований на русском и западноевропейских языках.

«*Bibliotheca Buddhica*» стала крупнейшим международным научным предприятием, в осуществлении которого приняли участие отечественные и зарубежные учёные, труды которых составили славу мировой буддологии: Ф.И. Щербатской, В.В. Радлов, Б.Я. Владимирцов, С.Е. Малов, О.О. Розенберг, А.А. Сталь-Гольштейн, Е.Е. Обермиллер, С. Бендал, С. Леви, Л. Фино, Л. де ла Валле Пуссен, Г. Керн, Нандзё Буньо, А. Грюнведель. С.Ф. Ольденбург вплоть

до конца своей жизни оставался редактором серии. За 40 лет своего существования «*Bibliotheca Buddhica*» обогатила науку 30 томами первоклассных изданий в более чем 100 выпусках.

Открытие в 1898 г. экспедицией Д.А. Клеменца в оазисах Восточного Туркестана археологических реликтов буддийской цивилизации I тыс. н.э. и обнаружение в 1899 г. результатов этих изысканий на II Международном конгрессе востоковедов в Риме послужили импульсом к созданию в 1903 г. Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии. С.Ф. Ольденбург, избранный в том же году академиком, и Ф.И. Щербатской были включены в его состав. Их сотрудничество в Русском комитете сыграло важную роль в зарождении отечественной буддологической школы. В целях обеспечения экспедиционных обследований Тибета, закрытого в тот период для европейцев по указу правителя страны, С.Ф. Ольденбург и Ф.И. Щербатской решили подготовить молодого исследователя бурятского происхождения. Их выбор остановился на кандидатуре Б.Б. Барадийна, зачисленного вольнослушателем в Санкт-Петербургский университет, на факультет восточных языков. В течение трёх лет оба учёных руководили углублённой подготовкой Б.Б. Барадийна в области санскрита, истории буддизма и буддийской философии. Затем в соответствии с разработанным С.Ф. Ольденбургом планом Б.Б. Барадийн успешно совершил путешествие в Забайкалье для всестороннего ознакомления с повседневной культурой местных буддийских монастырей. Экспедиция Б.Б. Барадийна в Тибет, осуществлённая в 1905—1907 гг., пополнила собрания Азиатского музея буддийскими рукописями и старопечатными изданиями и явилась блистательным началом его дальнейшей научно-исследовательской деятельности.

С.Ф. Ольденбург уделял большое внимание становлению учёных-востоковедов бурятского происхождения, справедливо полагая, что именно они могут внести серьёзный вклад в изучение тибетской социокультурной формы буддизма, получившей распространение в Монголии и в среде буддийских народов России. Его называли своим учителем такие замечательные исследователи, как Г.Ц. Цыбиков (1873—1930), совершивший в 1899—1902 гг. под видом буддийского паломника первую научную экспедицию в Тибет, и Ц.Ж. Жамцарано (1880—1942), всесторонний знаток культурного, письменного и фольклорного наследия народов Центральной Азии.

С.Ф. Ольденбург развивал в своей индивидуальной научно-исследовательской деятельности два направления — изучение буддийского изобразительного искусства и палеографический анализ памятников индийской письменности из Центральной Азии. Учёный вёл и большую библиографическую работу, связанную с составлением аналитических обзоров научной литературы по Тибету. С 1904 по 1909 г. он регулярно помещал в «Журнале Министерства народного просвещения» рецензии на отечественные и зарубежные тибетологические публикации, проанализировав в общей сложности 28 книг и более сотни статей. Вплоть

до настоящего времени этот аспект научного наследия С.Ф. Ольденбурга учитывается в трудах по тибетскому буддизму и историографии Тибета.

Он также проявил себя в качестве исключительно успешного археолога. Возглавлявшиеся им Первая и Вторая Русские Туркестанские экспедиции (1909—1910 и 1914—1915 гг.)¹, существенно обогатили научные представления о буддийской цивилизации I тыс. н.э. Рукописи IV—XI вв., доставленные С.Ф. Ольденбургом в Азиатский музей из Дуньхуана (Западный Китай), позволили отечественным учёным второй половины XX в. выявить исходные тексты целого ряда произведений ранней Махаяны и определить периоды их более поздних обработок.

В 1910-х гг. на базе серии «*Bibliotheca Buddhica*» Ф.И. Щербатским был инициирован международный проект по введению в научный оборот фундаментального памятника буддийской философской мысли Индии — трактата Васубандху (IV—V вв.) «Абхидхармакоша» («Энциклопедия буддийской канонической философии»)². Этот обширный трактат, доступный в то время лишь в двух китайских и тибетском переводах, привлёк внимание Ф.И. Щербатского как источник, содержащий системную интерпретацию буддийского понятийно-терминологического аппарата и свод философских концепций школ Шравакаяны. С.Ф. Ольденбург всемерно поддержал инициативу своего коллеги. Участие в проекте наряду с Ф.И. Щербатским и О.О. Розенбергом принимали крупнейшие представители франко-бельгийской буддологической школы — Л. де ла Валле Пуссен и С. Леви, а также выдающийся японский источниковед-буддолог У. Огихара.

Важнейшей научной заслугой С.Ф. Ольденбурга явилась постановка задачи структурирования буддологического источниковедения как исторической востоковедной субдисциплины. Методологический подход к её решению базировался на анализе систем религиозного образования в буддийских сопредельных России странах и в монастырях-университетах Восточной Сибири. Молодые кадры санкт-петербургской буддологической школы занимались изучением того круга источников, на котором издавна воспитывались поколения представителей традиционной учёности. Первым приступил к этой работе в 1916 г. О.О. Розенберг, обследовавший систему буддийского образования в Японии. Позднее, в конце 1920-х — начале 1930-х гг., М.И. Тубянский изучал образовательную традицию в Монголии, а Е.Е. Обермиллер, А.И. Востриков, Б.В. Семичов — в Бурятии.

В итоге этой работы были определены перечни тибетских, китайских, монгольских источников, являвшихся переводами с санскрита, и выявлена номенклатура местных комментаторских и оригинальных произведений, характеризующих этапы формирования национальных социокультурных форм буддизма. По этим

¹ Об экспедициях С.Ф. Ольденбурга см.: Попова, 2008, с. 148—157, 158—175.

² Подробное описание хода выполнения проекта и его результатов см.: Ермакова, 2012, с. 38—43.

источникам можно было проследить историко-культурную динамику институционального оформления буддизма в странах Азиатско-Тихоокеанского региона. Многие из них были изданы в серии «*Bibliotheca Buddhica*».

Эпохальные события 1910-х гг. — Первая мировая война и Октябрьская социалистическая революция в России — разрушили былой уклад духовной жизни и существенно ослабили международные научные контакты. С.Ф. Ольденбург, посетивший в 1923 г. страны Западной Европы с целью восстановления связей между Российской академией наук и зарубежными научными центрами, изложил свои наблюдения о происшедших там переменах в небольшой по объёму книге «Европа в сумерках и пожарище войны: Впечатления от поездки в Германию, Англию и Францию летом 1923 г.» (Ольденбург, 1924). Он отметил нарастание шовинизма и признаки интеллектуального кризиса в кругах немецкой интеллигенции, искавшей духовную опору «в Библии, вегетарианстве, гимнастике, Ведах, загробной жизни, эвритмии, юдофобии, ненависти к французам» (там же, с. 45). В Англии С.Ф. Ольденбурга неприятно поразили такие новоявленные приметы государственной политики в сфере науки, как «неразумная экономия средств, выделяемых Британскому музею, узость управленческой мысли и чрезмерный техницизм», а во Франции — «ненависть к Германии и немцам» (там же, с. 101–102).

Российский академик убедился и в том, что прежние формы международной кооперации в области востоковедных исследований уходят в прошлое. В 1900-х — 1910-х гг., когда по следам русских путешественников-первопроходцев осуществлялся археологический штурм Центральной Азии, международное востоковедное сообщество координировало свои усилия в исследовательских проектах по изучению письменного и художественного наследия ископаемой цивилизации, расшифровке неизвестных систем письма и мёртвых языков, атрибутированию ценнейших находок. Но в ситуации послевоенной националистической взаимной отгороженности перспективы скорого возрождения этого плодотворного опыта не просматривались. И хотя работа над международным проектом по введению «Абхидхармакоши» в научный оборот ещё продолжалась, надеяться на её завершение на базе серии «*Bibliotheca Buddhica*» уже не приходилось.

Но послевоенный мир динамично изменялся, и С.Ф. Ольденбург как неприменный секретарь Академии наук вдумчиво вёл поиск новых моделей организации востоковедных и, в частности, буддологических исследований. В 1926 г. он снова посетил Западную Европу и обнаружил там инновационные формы институционализации науки³. В Германии учёного заинтересовало такое организационное нововведение, как специализированный научно-исследовательский институт, и в особенности Венгерский институт, образованный при Берлинском университете. Это учреждение специализировалось на изучении языков, истории и куль-

³ О впечатлениях и встречах С.Ф. Ольденбурга во время этой его последней зарубежной командировки см.: Ольденбург, 1927, а также Каганович, 2013, с. 133–134.

туры финно-угорских народов. Стволовым объектом исследований в Венгерском институте выступала именно культура финно-угорских этносов в её типологическом единстве и национальных особенностях. Свои наблюдения и аналитические размышления учёный изложил в статье «Новые научные учреждения Берлина», в которой подчеркивалась практическая целесообразность заимствования германского инновационного опыта организации науки (Ольденбург, 1926, с. 100).

Тема создания в СССР специализированных научно-исследовательских институтов получила дальнейшее развитие в программной статье С.Ф. Ольденбурга «Всесоюзная Академия Наук», опубликованной в 1927 г. в общественно-политическом периодическом издании «Печать и революция». В ней учёный счёл необходимым сказать и о желательности учреждения Института буддийской культуры (далее — ИНБУК) для развёртывания в области буддологии коллективной плановой научно-исследовательской работы. С.Ф. Ольденбург подчеркивал, что именно Ф.И. Щербатской, научный лидер, обладающий международным признанием, способен возглавить такую работу.

К тому времени Ф.И. Щербатской, избранный в 1918 г. академиком, располагал хорошо известными С.Ф. Ольденбургу молодыми буддологическими кадрами, получившими университетское образование уже в советский период. Б.В. Семичов, Е.Е. Обермиллер, А.И. Востриков имели высокий уровень филологической подготовки, позволявший работать с санскритскими, палийскими, тибетскими и монгольскими письменными памятниками, и опыт научно-исследовательской экспедиционной деятельности в буддийских монастырях Восточной Сибири. М.И. Тубянский, более старший по возрасту ученик Ф.И. Щербатского, прекрасно зарекомендовал себя как высокоэрудированный научный сотрудник Азиатского музея, подведомственного С.Ф. Ольденбургу. К работе в ИНБУКе планировалось привлечь и молодого учёного-китаиста Б.А. Васильева.

По мысли С.Ф. Ольденбурга, научно-исследовательскому институту, предназначенному для изучения буддийской культуры во всём её полиэтническом многообразии, надлежало иметь структурные подразделения, соответствующие историко-географическим векторам распространения буддизма из Индии на Дальний Восток (в Китай и Японию), в Тибет и Монголию. Такая структура позволяла соединить характерный для классического востоковедения регионально-страноведческий принцип специализации подразделений с инновационным проблемно-тематическим способом планирования научно-исследовательской работы, предполагавшим комплексную интеграцию полученных результатов.

Задуманная С.Ф. Ольденбургом модель организации исследований базировалась на системно-историческом подходе к изучению буддийского письменного наследия как ключевого культурно-исторического явления. Во второй половине 1920-х гг. учёные отечественной буддологической школы уже достаточно отчетливо представляли себе исторический процесс продвижения буддизма в различные регионы Азии. Большую роль в этом сыграли манускрипты, добытые

С.Ф. Ольденбургом в обеих Русских Туркестанских экспедициях. Находки рукописей, содержащих фрагменты ранних буддийских текстов на санскрите и северо-западных пракритах, обнаружение в Дуньхуане скрипториев, где выполнялись переводы санскритских произведений на китайский язык, подтверждали преимущественную роль северной традиции в ходе превращения буддизма в мировую религию.

Изучение этого многомерного процесса требовало в первую очередь системного упорядочения знаний о языковом аспекте буддийской культуры как типологической целостности. С.Ф. Ольденбург и Ф.И. Щербатской предполагали конкретизировать эту задачу в планах ИНБУКа, намечая составление палисанскритско-тибетско-китайского Буддийского терминологического словаря. Эта работа должна была объединить деятельность всех подразделений института.

В структуре ИНБУКа предполагалось также наличие специальной буддологической библиотеки для обслуживания производственных нужд научного персонала. В целях публикации промежуточных результатов текущих исследований С.Ф. Ольденбург считал необходимым учредить периодическое издание с грифом АН СССР — «Ежегодник ИНБУК». Итоговые монографии планировалось издавать в серии «*Bibliotheca Buddhica*» на русском и западноевропейских языках.

С.Ф. Ольденбург был убеждён также и в необходимости создания при ИНБУКе общественной координационно-экспертной инстанции, в функции которой входили бы вопросы коллегиального обсуждения планов научно-исследовательской работы ИНБУКа, оценки её результатов и развития сотрудничества с зарубежными буддологическими центрами. Таким органом должен был стать Научный совет. В его состав планировалось включить не только авторитетных российских и зарубежных востоковедов, но и буддийских деятелей — репрезентов традиционной учёности.

В 1927 г. С.Ф. Ольденбург совместно с Ф.И. Щербатским и М.И. Тубянским подписал Объяснительную записку об учреждении ИНБУКа в составе АН СССР (Известия АН СССР, 1928, с. 1601–1704) и направил этот документ на рассмотрение в Совнарком. 13 марта 1928 г. правительственным решением были одобрены Устав института и кандидатура Ф.И. Щербатского на пост его директора.

Уставной целью деятельности ИНБУКа заявлялось «всестороннее изучение буддийской культуры и её форм, как в процессе их исторического развития, так и в современном состоянии, в различных странах и среди различных народностей». Её конкретизация была представлена в 10 задачах, определявших направления исследований. В частности, предполагалось развёртывание экспедиционного поиска рукописей и старопечатных изданий на территориях СССР и сопредельных стран, населённых буддийскими народами, чтобы обеспечить пополнение собраний Азиатского музея. Ставились задачи научной публикации письменных памятников, выполнение комментированных переводов

и исследований источников, репрезентативных в аспекте изучения истории буддийской культуры.

Наряду с этим в пункте 2.2. Устава формулировалась проблема «изучения отдельных отраслей знания, входящих в состав буддийской культуры или развивавшихся под её влиянием». Этот пункт представляет особый интерес в аспекте понимания характерного для отечественной буддологической школы системного метода исследования буддизма как культурно-исторического явления. Оформившаяся в Индии система буддийской культуры выработала парадигму, именуемую «10 наук». Пять из них — философия постканонической Абхидхармы, грамматика, логика, медицина и технология — считались основными, а другие пять — поэтика, метрика, лексикография, драматургия и театральное искусство, астрология/астрономия — вспомогательными. В состав философии постканонической Абхидхармы входили произведения Васубандху и трактаты крупнейших представителей махаянских школ *мадхъямака* и *виджнянавада*. Под «грамматикой» имелось в виду изучение языка канонических текстов (санскрита в северной традиции и пали — в южной), а также языков местных письменных традиций, исторически связанных с процессом рецепции буддизма. Наука логики (санскр. *ньяя*) считалась фундаментом буддийской учёности, так как выступала не только необходимым инструментом развития философского дискурса, но и оружием защиты буддизма в диспутах с идейными оппонентами.

Медицина наряду со своими практическими функциями лечения болезней и поддержания здоровья наделялась идеологической сверхзадачей укрепления народной веры в силу учения Будды, который согласно сформировавшимся в Индии представлениям выступал покровителем и наставником врачей.

Технология являлась теоретической областью знаний о строительстве буддийских культовых сооружений и их художественном убранстве. В рамках этой традиционной науки развивались учения о проектировании монастырских комплексов, в том числе пещерных, об искусстве пластической и живописной иконографии, фресковой живописи, художественной резки по камню и дереву. Пять вспомогательных наук также были тесно связаны с религиозно-идеологическим ядром буддизма.

Эти науки осваивались во всех этногеографических ареалах укоренения буддизма. Становление национальных форм буддийской культуры в Тибете, Китае, Монголии, а затем и в этнической среде бурят и калмыков порождало уникальные явления синтеза традиций и художественные шедевры мирового значения. Задача «изучение отдельных отраслей знания, входящих в состав буддийской культуры», запланированная в Уставе ИНБУКа, была направлена на выявление общего и особенного как в историческом наследии буддизма, так и в его живом многомерном бытии.

О научно-исследовательской работе сотрудников ИНБУКа можно судить на основе документации этого учреждения, хранящейся ныне в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН, а также по трудам, завершённым и вышед-

шим в свет уже после ликвидации института, и некоторым неопубликованным исследованиям и материалам, отложившимся в Архиве востоковедов Института восточных рукописей РАН и в персональном фонде акад. Ф.И. Щербатского.

План научно-исследовательской работы ИНБУКа распределялся по секциям Индии, Тибета, Монголии, Китая и Японии, каждая из которых имела собственного учёного секретаря, ответственного за ведение плановой и отчётной документации. Должность заведующего секцией не предусматривалась штатным расписанием, так как руководство сравнительно малочисленным персоналом института и вопросы научной политики являлись предметом ведения директора.

Б.В. Семечов временно исполнял обязанности учёного секретаря секции Индии. Как свидетельствуют отчётные документы, он подготовил к печати трёхязычный индекс к словарю «Махавьютпатти»⁴, составил санскритский и тибетский индексы к трактату «Абхисама-аламкара», над исследованием санскритского оригинала и тибетского перевода которого работал Е.Е. Обермиллер. Б.В. Семичов также занимался сбором лексикографических материалов для палисанскритско-тибетско-китайского Буддийского терминологического словаря.

Учёным секретарем секции Тибета был назначен А.И. Востриков. Ему поручались подготовка к изданию трактата Дигнаги (V–VI в.) по науке логики «Хетучакра» и выполнение комментированного перевода этого произведения на русский язык. А.И. Востриков проводил также сопоставительный анализ буддийских трактатов по науке логики «Праманавартика» Дхармакирти (VII в.) и Комментария Девендрабуддхи (VII в.) с брахманистскими произведениями «Ньяявартика-татпарья-тика» и «Татвабинду» Вачаспатимишры (IX в.). В конечном итоге столь объёмной работы учёному предстояло выявить способы терминологической адаптации санскритского логико-теоретического аппарата в Тибете. Привлечение произведений выдающегося индийского мыслителя Вачаспатимишры позволяло аналитически реконструировать ход развития эпистемологии и логики в Индии, где буддийская мысль концептуально оттачивалась в полемической конфронтации с брахманизмом.

В отчётах указаны названия подготовленных А.И. Востриковым для «Ежегодника ИНБУК» пяти статей: «О тибетском диалектическом методе», «О комментариях на Праманавартику», «Обзор содержания сочинения Праманавартика и порядок его глав», «О тибетской литературе по Абхидхармакоше», «О грамматике Панини в Тибетском Каноне». Была сформулирована и новая тема — «Издание китайского текста и перевода трактата Васубандху «Тарка-

⁴ Буддийский терминологический словарь, составленный в период раннего средневековья; впервые был подготовлен к изданию И.П. Минаевым. Эту работу продолжил выдающийся индолог-палеограф Н.Д. Мионов (1880–1936), который в 1911 г. издал Махавьютпатти в серии «Bibliotheca Buddhica» (XIII), снабдив его указателем. Данное издание послужило основой немалого количества буддологических работ, выполненных западноевропейскими и японскими учёными XX в.

шастра» с привлечением тибетских и китайских источников». Работа над ней велась А.И. Востриковым в соавторстве с Б.А. Васильевым, учёным секретарем секции Китая и Японии.

В соавторстве с Ф.И. Щербатским А.И. Востриков составлял «Граматику и хрестоматию тибетского языка». В отчётных документах указано, что этот труд был завершён и подготовлен к печати, однако его архивный поиск до сих пор не увенчался успехом.

Результаты текущих исследований по секции Китая и Японии представлены в отчётах тремя статьями Б.А. Васильева: «О буддийском влиянии на китайскую литературу», «О китайской и японской литературе по Абхидхармакоше», «Очерк Буддийской Академии Китая». Отмечено, что Б.А. Васильев проводит сбор материалов для составления «Библиографии буддийской литературы Китая и Японии» и для Буддийского терминологического словаря.

Учёным секретарем секции Монголии состоял Е.Е. Обермиллер. Исключительно одарённый, трудолюбивый и плодовитый учёный, он за время работы в ИНБУКе завершил перевод на английский язык произведения выдающегося тибетского мыслителя и историографа Будона Ринчендуба (XIV в.) «История буддизма в Индии и Тибете» и опубликовал эту работу в виде двухтомника в Лейдене (1931). В серии «*Bibliotheca Buddhica*» вышел в свет его труд «Санскритско-тибетский и тибетско-санскритский индексы к сочинениям Nyayabindu и Nyayabindutika, изданным акад. Ф.И. Щербатским» (на английском языке). Наряду с другими членами ИНБУКа Е.Е. Обермиллер собирал материалы для Буддийского терминологического словаря по индийским, тибетским и монгольским источникам.

Акад. Ф.И. Щербатской совмещал административную работу с собственными исследованиями по двум направлениям: изучение тибетского текста «Абхидхармакоши» и завершение двухтомной фундаментальной монографии «Буддийская логика», которую он писал на английском языке.

ИНБУК просуществовал вплоть до 30 марта 1930 г., когда началась реорганизация академических востоковедных учреждений. Общим собранием Академии 4 апреля 1930 г. был утверждён проект образования многопрофильного научного концерна — Института востоковедения АН СССР (далее — ИВ АН СССР). В него влились Азиатский музей, Коллегия востоковедов, ИНБУК и Тюркологический кабинет. С.Ф. Ольденбург единогласно был избран его директором⁵.

Структура ИВ АН СССР имела характер регионально-страноведческого кабинетного деления, и С.Ф. Ольденбург надеялся, что центром буддологических исследований под руководством Ф.И. Щербатского станет Индо-тибетский кабинет. Однако в общественной жизни страны нарастал шквал ожесточённой

⁵ В данном контексте мы не затрагиваем драматичный сюжет смещения С.Ф. Ольденбурга с должности неперменного секретаря Академии, всесторонне освещённый в труде Б.С. Кагановича. См.: Каганович, 2013, с. 181–199.

антирелигиозной пропаганды и критики классического востоковедения. Такая атмосфера не располагала к изучению письменных памятников буддизма. Задуманный Ольденбургом коллективный проект перевода палийских джатак (нравоучительных повествований, включенных в состав Типитаки) так и остался нереализованным. Поощрялись лишь темы, связанные с социально-экономической и политической историей стран Востока. С.Ф. Ольденбург, Ф.И. Цербатской, Е.Е. Обермиллер, А.И. Востриков и Б.В. Семичов переключились на выполнение комментированного перевода с санскрита обширного трактата о науке политики «Артхашастра». М.И. Тубянский с 1928 г. находился в Монголии, в научной командировке.

Решения по вопросам научной политики в ИВ АН СССР принимались дирекцией — новым для академических учреждений коллективным административным органом, и С.Ф. Ольденбургу оставалось лишь визировать их⁶. В состав дирекции входили наряду с ним заместитель директора, учёный секретарь, назначавшийся внеинститутскими инстанциями, секретарь партбюро, молодёжь из числа аспирантов и руководители общественных организаций института. О том, какие контрпродуктивные для развития буддологии вердикты выносились этим органом, свидетельствует протокол заседания дирекции от 1 января 1932 г.: «Все работы гг. Обермиллера и Тубянского по Библиотеке Буддика, не рекомендуемые ИВ (ИВ АН СССР, — Е.О.) для широкого распространения, не передавать в печать, а в виде оттисков хранить в ИВ для научной работы»⁷. Внести какие-либо коррективы в подобные формулировки акад. С.Ф. Ольденбург был не в праве.

Последней буддологической работой учёного стала статья «Буддизм и массовые культы», увидевшая свет лишь через многие десятилетия после его кончины (Ольденбург, 1991). Несмотря на свою незавершённость и неотделанность, она исключительно важна для характеристики того подхода, который С.Ф. Ольденбург развивал в качестве представителя отечественной буддологической школы. В ней подчёркивается, что буддизм следует рассматривать в первую очередь как одну из мировых религий. Учёный предостерегал исследователей от двух в равной степени ошибочных крайностей — редукции всего смыслового содержания буддизма к философии, либо усмотрения в этом учении некой уникальной разновидности атеистических убеждений.

Это методологическое предостережение вовсе не банально и до сих пор не утратило своей научной значимости в виду типологического отличия буддизма от авраамических религий. Это религиозное мировоззрение, отрицающее наличие божественного начала и существование души, вплоть до настоящего времени

⁶ О данном аспекте деятельности ИВ АН СССР в период директорства С.Ф. Ольденбурга см.: Каганович, 2013, с. 205–207; Васильков, 1999, с. 156.

⁷ Протокол заседания дирекции ИВ АН СССР. — СПбФ АРАН. Ф. 152. Оп. 1а, ед. хр. 247, л. 1.

преподносится в массовой зарубежной и отечественной культуре в качестве уникального духовного явления, якобы свободного от вероучительного компонента. А в эссеистике ряда представителей естественных наук буддизм изображается зачастую как опережающий время философский прорыв к проблематике теории относительности, холистического мышления и постнеклассической парадигмы рациональности. И подобные внеисторичные фантазии проникают в область социогуманитарного знания.

В статье «Буддизм и массовые культы» С.Ф. Ольденбургом был выдвинут и важнейший тезис о зависимости национальных форм буддизма от той социальной и этнокультурной среды, в которой эта мировая религия укоренялась, ассимилируя местные верования, мифологию и культы. С.Ф. Ольденбург, внимательно следивший за развитием социальной антропологии в Западной Европе и контактировавший с выдающимися французскими учёными М. Моссом и А. Мейе, глубоко понимал важность исследования истории буддизма и буддийской культуры с учётом тех концепций, которые создавались в этой области знаний.

Политические репрессии, развернувшиеся вскоре после ухода акад. С.Ф. Ольденбурга из жизни, прервали деятельность отечественной буддологической школы. Но в 1950-х гг., в период установления научных связей СССР и Индии, освободившейся от колониальной зависимости, имена основоположников школы и их реабилитированных учеников, хорошо известные индийским учёным-востоковедам, снова появились на страницах отечественных научных изданий. Дело, начатое С.Ф. Ольденбургом и И.Ф. Щербатским, было продолжено в трудах гениального исследователя рукописного наследия буддизма В.С. Воробьева-Десятовского (1927–1956), акад. Г.М. Бонгарда-Левина (1933–2008), В.И. Рудого (1940–2009), первым в мировой буддологии приступившего к переводу санскритского оригинала «Абхидхармакоши», и развивается современными учёными, работающими в Санкт-Петербурге, Москве, Улан-Удэ, Элисте, Новосибирске и других научных центрах России.

Литература

Васильков Я.В. Академик С.Ф. Ольденбург: Последние годы (Директор Института востоковедения АН СССР) // Наука и техника. Вопросы истории и теории. СПб., 1999.

Ермакова Т.В. Японские учёные — участники научно-издательских проектов санкт-петербургской буддологической школы // Пятые востоковедные чтения памяти О.О. Розенберга / Сост. Т.В. Ермакова и Е.П. Островская. СПб., 2012.

Каганович Б.С. Сергей Федорович Ольденбург. Опыт биографии. Изд. 2-е, исправл. СПб., 2013.

Лысенко В.Г. Ф.И. Щербатской и О.О. Розенберг о сравнительном методе в буддологии // Труды «Русской антропологической школы». Вып. 4 (часть 2). М., 2007.

Март Н.Я. Барон В.Р. Розен и христианский Восток // Памяти барона Виктора Романовича Розена / Сост. И. Крачковский. СПб., 1909.

Ольденбург С.Ф. Европа в сумерках и пожарище войны: Впечатления от поездки в Германию, Англию и Францию летом 1923 г. Пг., 1924.

Ольденбург С.Ф. Новые научные учреждения Берлина // Научный работник. 1926. № 78.

Ольденбург С.Ф. Впечатления о научной жизни в Германии, Франции и Англии // Научный работник. 1927. № 2.

Ольденбург С.Ф. Всесоюзная Академия наук // Печать и революция. 1927. № 7.

Ольденбург С.Ф. Востоковедение в Академии Наук на новых путях // Вестник Академии наук. 1931. № 2.

Ольденбург С.Ф. Советское востоковедение // Фронт науки и техники. 1931. № 7/8.

Ольденбург С.Ф. Буддизм и массовые культы // Ольденбург С.Ф. Культура Индии / Сост. и предисл. И.Ю. Крачковского. М., 1991.

Ольденбург С.Ф. Этюды о людях науки / Отв. ред. С.Д. Серебряный; сост., предисл., коммент. А.А. Вигасин. М., РГГУ, 2012.

Попова И.Ф. Вторая Русская Туркестанская экспедиция С.Ф. Ольденбурга (1914—1915) // Российские экспедиции в Центральную Азию в конце XIX — начале XX века. СПб., 2008.

Попова И.Ф. Первая Русская Туркестанская экспедиция С.Ф. Ольденбурга (1909—1910) // Российские экспедиции в Центральную Азию в конце XIX — начале XX века. СПб., 2008.

Приложение к Протоколу VII заседания ОИФ АН СССР от 13 апреля 1927 г. // Известия АН СССР. Серия VI. 1927. Т. XXI. Л., 1928.

Тольц В. «Собственный Восток России»: Политика идентичности и востоковедение в позднимперский и раннесоветский период / Вера Тольц; перевод с английского языка. М., 2013.

Summary

E.P. Ostrovskaya

S.F. Oldenburg as an Organizer and a Methodologist of the Russian School of Buddhist Studies

The topic of the article is S.F. Oldenburg's role in the forming of Russian school of Buddhist studies. The author demonstrates S.F. Oldenburg's key role in the researches concerning the spreading of Buddhism in Central Asia and Far East. Special attention is given to his research program of the Institute of Buddhist culture of USSR Academy of sciences and to the activities of members of the Institute during 1928—1930.

Key words: S.F. Oldenburg, Saint-Petersburg school of Buddhist studies, Buddhism, Institute of Buddhist Culture AS USSR.